

Владимир Анатольевич Бурцев

Россия, Елецкий государственный университет

Дискурсный метод определения семантики высказывания

Ключевые слова: высказывание, дискурс, дискурсный метод, парафраза, асертив, преасертив

Key words: utterance, discourse, discursive meaning, paraphrase, assertive, preassertive

Abstract

The article builds on the method of determining the semantics of utterance, which was applied in practice when studying the meaning of utterances in religious language. The method is based on the principal idea of the existence of different subjects within one speaker put forward by the French school of discourse. The study technique consists in dividing the whole syntactic sequence into constituents – assertive and preassertive – and further building up a number of preassertive paraphrases. The preassertive paraphrase about which the assertive constituent is true is regarded as the utterance of the second subject, determining the current discourse and thus revealing the capacity of the language speaker to produce certain utterances in some communication area.

1. Введение. Под **высказываниями** в настоящей работе понимаются производимые говорящим отрезки речи, в основе которых лежат предложения [Лайонз 1978: 189].

Значение высказывания – это значение предложения, приемлемое в том контексте, где оно высказывается; иными словами, значение высказывания – это контекстное значение предложения. Так, семантика повелительных предложений охватывает разнообразные значения волеизъявления (требование, совет, просьба и т. д.). В контексте проявляется одно из этих значений как конкретная реализация общесистемных связей единиц и форм, которые имеются в данном предложении. В этом смысле реализованное значение повелительного или какого-то другого типа предложения можно считать контекстуальным. Например, в языке русской православной проповеди все повелительные предложения типа (1) *Опомнись, брось вино, отойди от соблазна, не тяни к вину и других!* употребляются со значением совета или

просьбы: (1а) *Я прошу/советую, рекомендую, предостерегаю, рекомендую, настаиваю, умоляю тебя, чтобы ты опомнился, не пил вино, отошел от соблазна, не тянул к вину других, а не приказа* (1б) **Я приказываю тебе, ты опомнишься, не будешь пить вино, отойдешь от соблазна, не будешь тянуть к вину других.*

Ср. также (2): *Веруйте, Братие, во имя Господа Иисуса от всего сердца; исповедуйте Его с непостыдным дерзновением; храните заповеди Его с любовью; ожидайте славного Его пришествия с горящими светильниками Боговедения и елеем милосердия к ближним – примите плоды правды – спасение.*

Братие о Господе! Подвизайтесь против греха подвигом добрым – даже до крове, и – если познаете свое грехопадение, то спешите к купели покаяния.

Значение совета или просьбы как возможное иллюкутивное значение высказываний, построенных на базе повелительных предложений русского языка, является контекстным значением этих предложений в текстах проповеди.

В данной работе мы хотим показать, что контекстное значение предложения (значение высказывания) может быть семантически описано не в терминах прагматики, а в терминах дискурса и названо **дискурсным значением**. Цель работы – предложить метод описания дискурсного значения в рамках практической разработки семантического анализа, объединяющего условно-истинностную семантику и теорию акта производства высказывания.

2. Дискурс и дискурсное значение. Под **дискурсным значением** понимается такая интерпретация значения высказывания (причем единственная), основания для которой находятся в социокультурном контексте, а не в речевой ситуации. На основе этой интерпретации носители языка признают высказывание в качестве принадлежащего системе общенародного языка и, одновременно, некоторому подязыку внутри этой системы. Другие возможные интерпретации этого предложения признаются неприемлемыми в данном социокультурном контексте.

Дискурсное значение может быть проиллюстрировано на примере следующего предложения: (3) *Пост и молитва – оружие против дьявола.* В качестве высказывания оно приемлемо в религиозном языке и принадлежит ему, если только говорящий, выражая пропозицию (суждение) данного предложения, не выражает одновременно свое отношение к ней. Данное условие выполняется, если предложение интерпретируется только со значением «настоящее вневременное». Если сравнить (3) с другими членами парадигмы данной синтаксической модели, в которых предполагается конкретный аспект времени и модальности (4) *Пост и молитва есть (были, будут, пусть будут) оружие против дьявола,* то будет ясно, что все высказывания на базе (4), в том числе с настоящим актуальным, невозможны в религиозном языке, так как они логически эквивалентны следующим выражениям: (4а) *Пост и молитва – (=есть) оружие против дьявола* (подразумевается, что ранее ими не являлись) и т. д.

В случаях этих интерпретаций содержание высказываний следует рассматривать так, что говорящий, выражая пропозицию данного предложения, одновременно выражает свое собственное мнение относительно положения вещей или свою волю к его осуществлению, а не просто сообщает о его существовании, как в (3). По сути, это высказывания, истинность которых зависит от субъективной квалификации положения дел говорящим и никак не зависит от социального контекста. Таким образом, область дискурсной семантики включает, как мы понимаем, **значимость** языкового выражения, его семантическую **допустимость** [Лайонз 2003: 52], **приемлемость** относительно конкретного языка, каким, например, является русский язык, когда используется в текстах проповедей.

Подъязыки внутри системы языка, в терминах которых описываются определенные конфигурации онтологических объектов, обозначают сегодня термином **дискурс** [Степанов 1995: 43]. Этот термин широко употребляется в лингвистике, и хотя он не приобрел ни общего значения, ни всеобщего признания [см., напр.: Горшков 2006: 66–67] (в силу того, что довольно часто используется как коррелят традиционных понятий речи, текста, общения – или даже вместо них), ему не существует альтернативы в теоретической рамке французской школы анализа дискурса. Это одна из версий общей теории высказывания, которая пользуется в настоящее время широким признанием как один из подходов к выполнению задачи описания в терминах дискурса процессов производства и понимания текстов.

3. Метод анализа дискурса. Один из основных или наиболее общих методов исследования дискурса во французской школе заключается в том, чтобы описать реальные языковые выражения как элементы неограниченного множества потенциальных высказываний, – как элементы подъязыка, в котором они в социальном плане характеризуются определенной идентичностью в процессе высказывания. В известном смысле этот метод не является абсолютно новым, так как в целом он следует предшествующей анализу дискурса генеративной грамматической теории, в которой описание ограниченного корпуса выражений проецируется на большее множество этих выражений. Однако, по словам П. Серио, французская школа отличается от других теорий характером принципа, который кладется в основу перегруппировки высказываний. П. Серио комментирует его следующим образом:

Для А. Д. [анализа дискурса. – В. Б.] действенным является не формальный критерий, в частности типологического порядка, но отношение к месту акта высказывания, позволяющее выявить то, что вслед за «археологией знания» М. Фуко получило название «дискурсной формации» [Серио 1999: 10].

3.1. Интердискурс. Вместо концепта **дискурсная формация**, который был разработан по модели общественной и идеологической формации [Серио 1999: 19], французские ученые предложили понятие **интердискурса**. Оно

занимает центральное место в рамках анализа дискурса, и основная причина введения интердискурса в теорию акта производства высказывания заключается в том, что интердискурс, вернее, разнообразные лингвистические формы его существования в грамматической структуре предложения, дают возможность описывать то, что в традиционной семантике, по свидетельству исследователей, не поддавалось убедительному описанию и объяснению, а именно –

[...] каким образом абстрактные отношения, имеющие место между грамматическими элементами предложения, взаимодействуют с разнообразными свойствами контекстов, в результате чего происходит образование и понимание высказываний, в которых обнаруживаются «корреляты» этих грамматических элементов [Лайонз 1978: 444].

Мы используем интердискурс не только в том специальном значении, которое придано ему философским фундаментом французской школы [Пешё 1999: 266–267], но еще и так, чтобы он мог быть отнесен к процедурам анализа высказывания. В этом смысле **интердискурс** служит обозначением семантического компонента высказывания, формы выражения которого обеспечивают референцию высказывания к контексту.

3.2. Интердискурсные формы. Это грамматические формы выражений, из которых интердискурсная часть состоит. Во французской школе они называются **преконструктами**, поскольку в отношении акта высказывания являются формами выражений, которые были произведены до момента акта высказывания. **Преко́нструкты** – выражения, которые вставляются в текущее высказывание как следы предшествующих конструкций, как комбинации языковых элементов, сформулированные в прошлых дискурсах [Серио 1999: 40]. Простыми примерами преко́нструктов из языка проповеди могут быть придаточные предикативные группы в изъяснительных сложноподчиненных предложениях: (5) *Из сего видно, что благотворная сила закона простирается на все существо человека*. Здесь придаточные части ведут себя так же, как подчиненные предикации при фактивных глаголах, т. е. представляются говорящим как истинные сами по себе [Карттунен 1985: 305].

3.3. Методологический принцип анализа высказывания. Определяемое таким образом понятие преко́нструкта не представляет ничего интересного в свете современной лингвистической теории. Хорошо известно, что семантическая структура любого «среднего» предложения, почти всегда полипропозициональна [Попов, Трегубович 1984: 88], и, как показывают многочисленные исследования этого феномена, здесь не требуется специально обращаться к категории дискурса. Однако когда мы приступаем к изучению деятельности субъекта высказывания, поскольку высказывания по определению создаются говорящими, то обнаруживается, что в акте высказывания вся деятельность высказывания, которая просто обязана быть проникнутой субъективностью, на

самом деле не имеет никакого решающего значения для становления смысла предложения как элемента подъязыка. Так, если мы считаем, что предикация главной части из (5) истинна, то мы должны принять, что она истинна относительно придаточной части, поскольку в ином случае следует полагать, что автор (5) был первым, кто высказал мысль о том, что **благотворная сила закона простирается на все существо человека**.

Это означает, что в текущем высказывании преконструкт не только существует как высказывание другого субъекта, но еще и контролирует истинное значение пропозиции, которую утверждает говорящий. Данное явление французские ученые называют **адсубъективацией**, подчинением субъекта акта высказывания другому субъекту, и используют в своих исследованиях следующее предположение, которое может быть рассмотрено как методологический принцип (назовем его «принцип интердискурса») семантического анализа высказывания: «Неутверждаемое предшествует тому и управляет тем, что утверждается» [Пешё, Фукс 1999: 119].

Эта формулировка, где, по сути, предлагается когнитивное объяснение процесса порождения высказывания, носит достаточно специфический характер. Следует заметить, однако, что трактовка процесса порождения высказывания в подобных терминах предполагает вполне адекватный ей синтаксический анализ и удовлетворительные семантические интерпретации отношений между грамматическими компонентами высказывания. Вполне очевидно, что компоненты семантического отношения, обозначенные как «утверждаемое» и «неутверждаемое», могут быть переформулированы в терминах грамматических компонентов высказывания. Неутверждаемое – это неутвержденная предикация, утверждаемое – утвержденная предикация.

4. Акт производства высказывания. Это основная единица лингвистического описания процесса производства высказывания. Под **актом производства высказывания** понимается синтаксическая стыковка утверждения и утверждаемого.

4.1. Структура высказывания. С точки зрения акта своего производства высказывание организовано по **принципу бинарности**. Составляющими высказывания являются только два компонента: утверждение (то, что говорится о предмете речи), или ассертивная часть, и утверждаемое (то, о чем идет речь), или неассертивная часть. Понятие утверждения можно обобщить в следующем положении: говорящий связывает себя с принятием истинности утверждаемой пропозиции [Лайонз 2003: 270]. Придерживаясь указанного выше принципа интердискурса, отношения между составляющими высказываниями следует характеризовать как такие, которые имеют мотивированный характер: логическое (истинностное) значение пропозиции утверждения варьируется и зависит от логического значения пропозиции утверждаемого. Речь здесь идет о том, что любое утверждение, в том числе императивное и модальное, обязательно должно быть связано с предшествующим текстом или фоновым

знанием, чтобы предложение могло употребляться для высказывания той или иной информации. Хотя это похоже на отношение «пресуппозиция-ассерция», но на самом деле оно таковым не является [Бурцев 2012: 102].

Мотивированный характер связи составляющих высказывания позволяет называть утверждение термином **ассертив**, утверждаемое – **преассертив**, а саму связь квалифицировать как **ориентационную** [см., напр.: Нунэн 1982: 366], считая ориентацией (то, на что ориентируется высказывание) преассертив.

5. Дискурсный метод изучения семантики высказывания. Суть метода состоит в том, чтобы проанализировать высказывание согласно принципу интердискурса. Это теоретическое решение имеет важные практические последствия. В общем-то, получается, что анализ высказывания осуществляется в режиме он-лайн, в момент его производства. Главная особенность такого анализа в том, что исследователь как бы занимает позицию говорящего. В итоге это исключает, в силу допустимой неоднозначности предложений, возможность неправильного истолкования высказывания, так как ясно, что неоднозначность релевантна для слушающего, но не для говорящего.

Анализ высказывания опирается на то, чтобы эксплицитным образом очертить область интердискурса, поскольку именно он, как уже говорилось, определяет, что может и должен сказать говорящий и чего он сказать не может. Очевидно, что то, что говорящий не может высказать, является точным критерием, указывающим, где проходит граница между высказываниями, принадлежащими разным дискурсам. В качестве способа описания интердискурса используется парафразирование. Оно заключается в том, чтобы привести грамматические формы преассертива в вид утверждения. Это делается через отношение условной антонимии между парафразами, благодаря чему устанавливается истинное значение преассертива. Частично это уже иллюстрировалось в (1–5). Дополнительно рассмотрим следующий пример. Это долженствующее предложение со сказуемым, оформленным совершенным видом инфинитива: (6) *Мы теперь должны стать откровением этой новизны*. При одной интерпретации (6а) *Мы станем откровением этой новизны* мы говорим о проспективном – «что будет» – характере высказывания. При другой интерпретации долженствующее сказуемое может быть перифразировано таким образом: (6б) *Мы еще не стали откровением этой новизны*, и тогда следует говорить о ретроспективном – «как обстоит дело сейчас» – характере высказывания. В зависимости от того, определяется здесь значение высказывания на основе его референции к будущему, или значение высказывания определяется на основе его референции к настоящему, мы говорим о разных высказываниях и разных дискурсах.

6. Отношение субъекта акта высказывания к акту высказывания. В сущности все примеры, и в особенности (6), показывают, что, установив ситуации, которые описаны парафразами преассертивной части, мы еще не

получаем ясного ответа на вопрос о семантической допустимости высказывания. Как легко видеть из (6), на данной стадии анализа это высказывание легко может быть интерпретировано как религиозное с любой референциальной семантикой (это обусловлено лексической структурой предложения). В связи с этим мы считаем необходимым дополнить модель анализа акта высказывания дополнительной моделью, в которой учитывается отношение между речевым действием субъекта акта высказывания и местом и временем утверждения предикационного акта. Дополнительная модель опирается на различие констативных высказываний, образованных локутивным речевым актом, и перформативных высказываний, в которых выражается иллюкутивная сила определенного вида [Остин 1986]. С этой стороны есть основания объяснять позицию субъекта акта высказывания относительно акта высказывания позицией глубинного перформатива. То есть применяется достаточно употребительный способ описания, основанный на перформативной гипотезе.

Сначала дадим несколько примеров, которые в данном месте имеют значение только как иллюстрация того, что для многих реальных фраз действительно можно найти подходящие, на первый взгляд, перформативы, и не являются демонстрацией ни действительного существования конкретного перформативного предложения в дискурсе, ни тем более демонстрацией какого-либо способа взаимодействия с высказыванием-результатом. (7) *Не предавайтесь, братие, до излишества праздным развлечениям* → (7а) **Я прошу**, *не предавайтесь, братие, до излишества праздным развлечениям*; (8) *Истинный христианин таков и есть* → (8а) **Я заявляю**, *истинный христианин таков и есть*; (9) *Со времени воскресения Христова вместо субботы мы празднуем каждую неделю день воскресный – первый день недели* → (9а) **Я сообщаю**, *со времени воскресения Христова вместо субботы мы празднуем каждую неделю день воскресный – первый день недели*.

В литературе классификация речевых актов [Остин 1986; Апресян 1995: 199–202] проводится с опорой на лексический материал. Большинство из этих речевых актов – прагматические в том смысле, что те или иные глаголы употребляются в конкретной ситуации. Здесь достаточно сказать, что проповедь как тип речевого произведения прагматическими обстоятельствами общения, свойственными конкретным ситуациям, не определяется. Именно поэтому нами применяется классификация, согласно которой выделяются универсальные и культурно специфические речевые акты. Универсальные речевые акты – **утверждения, вопросы и директивы**. Культурно специфические – эти и любые другие (производные от первых), если они зависят от юридических, религиозных или этнических конвенций и установлений, институализированных данным обществом [Лайонз 2003: 267]. **Утверждение** – это высказывание пропозиции и одновременное выражение определенного отношения к ней. **Директив** – это не высказывание пропозиции, а выражение своей воли к тому, чтобы дело обстояло так-то [Лайонз 2003: 271]. Мы

включаем в этот ряд **сообщение**, которое по аналогии с оценкой глагола *говорить* как родовой формы говорения [Апресян 1995: 200], является основной неспециализированной формой высказывания пропозиции, отсылкой к тому, что уже было сообщено до акта речи.

Во введении нами уже было разобрано высказывание (1), анализ которого показал, что в дискурсе проповеди отношение субъекта к акту высказывания должно быть сообщением, а высказывание-результат – констативом. Это означает, что сообщением констативного высказывания говорящим передается такая информация, истинность которой не является функцией от мнения говорящего. Разберем еще один пример: (9) *Мы созданы и посланы в этот мир Господом для жизни вечной*. Вполне адекватно он может быть представлен парафразами: (9а) *Я знаю, что мы созданы и посланы в этот мир Господом для жизни вечной*; (9б) *Я сообщаю, что мы созданы и посланы в этот мир Господом для жизни вечной*; (9в) *Я вижу, что мы созданы и посланы в этот мир Господом для жизни вечной*; (9г) *Я удивлен, что мы созданы и посланы в этот мир Господом для жизни вечной*; (9д) *Я считаю, что мы созданы и посланы в этот мир Господом для жизни вечной*. Выражения (9а–9в) приемлемы независимо от прагматических факторов. Выражение (9г) может быть приемлемо по обстоятельствам ситуации общения, например, в ситуации, когда говорящий, зная, какие неблагоприятные поступки совершают иногда люди, произносит (9г). Выражение (9д) неприемлемо в религиозном дискурсе ни при каких обстоятельствах, поскольку в отношении предиката мнения *считаю* (=утверждаю) зависимую пропозицию следует понимать как новую информацию (т. е. в которую можно верить, а можно и сомневаться). Между тем она сама по себе является чем-то вроде аналитического суждения и в этом качестве не допускает нового знания. Для сравнения можно отметить, что высказывания, аналогичные (9д), – норма для научной речи. Ср.: (10) **Можно думать, что значение форм настоящего времени включает признак непосредственной связи между субъектом и действием** (А. В. Бондарко). Предикаты мнения возможны в проповедях только с отрицанием и в модальном контексте: (11) *Из этих слов Господа святой апостол Петр уразумел, что наступил для него час прославить Господа своей смертью. **Не надо думать, что бывший мытарь Левий-Матфей в чем-то обездолил себя. Сегодняшнее Апостольское чтение разъясняет, как должно всем христианам жить праведною верой.***

Заключение. С применением дискурсного метода анализа высказываний семантический анализ (учитывающий любое содержание, закодированное в лексико-грамматической структуре предложения) может претендовать на более точное отражение способностей носителей языка производить и понимать языковые выражения, нежели прагматика, условно-истинностная семантика и анализ дискурса, взятые по отдельности. Практическая разработка семантического анализа, объединяющего эти направления семантики, может считаться перспективным направлением современной лингвистики.

Литература

- Апресян Ю., 1995, *Избранные труды*, т. II: *Интегральное описание языка и системная лексикография*, Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Бурцев В., 2012, Категория преассертива в системе функциональных синтаксических отношений [в:] М. Тодоров (ред.), *Материали за 8-а международна научна практическа конференция, «Образование и наука на XXI век»*, т. 30: *Филологични науки*, София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, с. 100–104.
- Карттунен Л., 1985, Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением [в:] Е. Падучева (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVI: *Лингвистическая прагматика*, Москва: Прогресс, с. 303–332.
- Лайонз Д., 1978, *Введение в теоретическую лингвистику*, Москва: Прогресс.
- Лайонз Д., 2003, *Лингвистическая семантика: Введение*, Москва: Языки славянской культуры.
- Нунэн М., 1982, О подлежащих и топиках [в:] А. Кибрик (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XI: *Современные синтаксические теории в американской лингвистике*, Москва: Прогресс, с. 356–375.
- Остин Д., 1986, Слово как действие [в:] Б. Городецкий (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVII: *Теория речевых актов*, Москва: Прогресс, с. 22–130.
- Пешё М., 1999, Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия [в:] П. Серию (ред.), *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*, Москва: ОАО ИГ «Прогресс», с. 225–290.
- Пешё М., Фукс К., 1999, Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса [в:] П. Серию (ред.), *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*, Москва: ОАО ИГ «Прогресс», с. 105–123.
- Попов Ю. В., Трегубович Т. П., 1984, *Текст: структура и семантика*, Минск: Вышэйшая школа.
- Серию П., 1999, Как читают тексты во Франции [в:] П. Серию (ред.), *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*, Москва: ОАО ИГ «Прогресс», с. 12–53.

Источники

- Игумен Роман (Загребнев), 2007, *Учусь проповедовать. Книга третья. Проповеди, наставления, духовная поэзия*, Псков: Дом печати.
- Илиодор, епископ, 1839, *Словесное млеко или собрание слов, произнесенных к курской пастве Илиодором, епископом Курским и Белгородским. Часть первая и вторая*, Санкт-Петербург.
- Кирилл (Павлов), архимандрит, 2000, *Ищите прежде Царствия Небесного: Проповеди*, Москва: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.
- Менетров М., священник, 1905, *Пастырские наставления. Праздничные поучения*, Москва: Издание журнала «Воскресный день».
- Николай, митрополит, 1950, *Слова и речи*, Москва: Издание Московской Патриархии.